

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ
ПЕРЕВОДОВ В.А. ЖУКОВСКИМ
СТИХОТВОРЕНИЙ И.В. ГЕТЕ

Н. Кондренко

2 курс, филологический факультет

Научный руководитель – доц. Т.В. Журчева

Моя исследовательская работа посвящена переводам В.А. Жуковского из В.И. Гете. Настоящее сообщение представляет собой сравнительный анализ текстов баллады Гете "Erlkönig" и баллады Жуковского "Лесной царь"*. Выбор именно этих произведений связан с тем, что произведение Гете является одним из очень известных его творений, так же как и произведение Жуковского – один из шедевров его лирики.

Вначале я хотела бы привести несколько примеров трудно переводимых слов. Schweif – хвост у льва, у дьявола, у кометы – и у Лесного Царя. Второе слово – fein, переведенное у меня *нежный*, означает высокое качество: избранность, изящество, благородство человека. Далее глагол reizt, reizen – *раздражать, доводить до (неизменно дурного: гнева, беды и т. д.)*. И только потом – *очаровывать*. Ближе всего будет: *Я раздражен (раздражен) твоей красотой, то есть уязвлен*. Глагол "scheinen" – *и казаться, и светиться, и мерцать, и мерещиться*. Leid – *страдание, горе, печаль, боль*. В данном случае Leids getan – *покончить с собой, наложить на себя руки (в контексте – убить)*.

Помимо этих слов стоит отметить отступления Жуковского от оригинального текста Гете. Уже с первой строфы мы видим: *ездок – старик, ребенок еще до первого видения Лесного Царя уже издрогший*, что сразу наводит нас на мысль, что сам Лесной Царь бред. У Гете ребенок дрожит от того, что на самом деле видит Лесного Царя. Изменены и их жесты: у Гете отец держит ребенка крепко и в тепле, а у Жуковского согревает, чтобы унять его дрожь. Соответственно пропадает и удивление отца: "Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?" – которое оправдано и усилено у Гете прекрасным самочувствием ребенка до появления Лесного Царя.

Вторая строфа подверглась наибольшим изменениям. Первое видение Лесного Царя описывается ребенком: "Родимый! Лесной Царь в глаза мне сверкнул!" – тогда как у Гете ("Разве ты не видишь Лесного Царя?") мальчик пытается убедить отца в реальности Царя. Разница лежит между "вижу" и "неужто ты не видишь?"

Обратимся к самому видению. У Жуковского Лесной Царь дан стариком, величественным, "в темной короне, с густой бородой". У Гете – неизвестное, без возраста существо, сплошь из лвиного хвоста и короны, – демона, хвостатости которого вплотную соответствует "полоска" тумана. Различ-

ны и соблазны, коими прельщает Лесной Царь ребенка? Чудесные игры, в которые он будет с ребенком играть, заманчивее неопределенного "веселого много в моей стороне", равно как и золотая одежда, в которую нарядит его мать Лесного Царя, соблазнительнее золотых чертогов. Еще более расходятся четвертые строфы. Перечисление ребенком соблазнов Лесного Царя несравненно менее волнует нас, чем простое упоминание о них: "Отец, отец, неужели ты не слышишь, что Лесной Царь мне тихонько обещает?" Различны и ответы отцов: безмятежный у Жуковского – "О нет, мой младенец, ослышался ты: То ветер, проснувшись, колыхнул листы". И испуганный у Гете: "Успокойся, дитя! Не бойся, дитя! В сухой листве – ветер шуршит".

Итак, мы уже у вершины баллады, где Лесной Царь находит интонации глубже, чем отцовские, хотя бы уж одно старинное и простонародное «warten» (нянчить), у Жуковского совсем опущенное. У Жуковского "узнаешь прекрасных моих дочерей"; у Гете – просто дочерей, потому что гетевский Лесной Царь ни о чьей красоте, кроме ребенка, сейчас не помнит. И снова, уже бывшее у Жуковского – пересказ видения, у Гете – оно само. "Родимый, Лесной Царь созвал дочерей! Мне, вижу, кивают из темных ветвей..." / "Отец, отец, неужто ты не видишь – там, в этой сплошной тьме, Лесного Царя дочерей?" Интонация, в которой мы узнаем собственное нетерпение, когда мы видим, а другой – не видит. И такие разные ответы: у Жуковского: "О нет, все спокойно в ночной глубине. То ветлы седые стоят в стороне". И потрясенный, ответ у Гете: "Мой сын, мой сын, я в точности вижу..." – ответ человека, умоляющего другого поверить и еще более убеждающего нас в обратном видении. И вот тут наступает конец: "Я люблю тебя! Меня уязвила твоя красота! Не хочешь охотой – силой возьму!" и пассивное: "Дитя! Я пленился твоей красотой!" И даже гениальная передача последующей строки: "Неволей иль волей, а будешь ты мой!" – слабее гетевского: "Не хочешь охотой – силой возьму!" Это ослабляет и отдаляет Лесного Царя.

Финал – смерть мальчика – в наибольшей степени совпадает у обоих поэтов. Но есть и различие. У Гете ребенок погублен Лесным Царем. У Жуковского он погибает от страха: мальчик испугался, отец не сумел его успокоить, и из-за этого он умер.

Перед нами два равновеликих поэтических шедевра, написанных на один сюжет, разными поэтами, с разным мировоззрением, отсюда разница в наборе изобразительно-выразительных средств.

*В основу легла статья М. Цветаевой: "Два «Лесных царя»"

Библиографический список

М. Цветаева. Статья. Два «Лесных царя». Ноябрь 1933г.